

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИХАЙЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
posnm87@bk.ru

БЕЛОМОРЬЕ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО, ЭТНОКУЛЬТУРНОГО И АРЕАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЯЗЫКА*

Используя материалы лексикографических источников и исследований особенностей беломорских говоров, автор описывает некоторые группы слов и отдельные лексические единицы, которые являются значимыми в историческом, этнокультурном и ареальном аспектах. В центре внимания – лексика, отражающая своеобразие природы и быта жителей Беломорья, которое обусловлено длительными языковыми и культурными контактами русского населения, пришедшего на Белое море в основном из Псковской и Новгородской земель. В качестве значимой для решения вопроса о формировании лексического состава говоров Беломорья выделяется группа слов с начальным сочетанием *ке-*, часто являющимся приметой иноязычного происхождения слова. Пример *кеж*, имеющий соответствие *цеж*, ярко демонстрирует исторические связи Пскова и Беломорья. Среди многих слов, свидетельствующих об обособленности беломорских говоров, в этимологическом плане интересна лексема *прихотье*. Ставится задача изучения беломорской лексики в разных аспектах.

Ключевые слова: севернорусские говоры, диалектная лексика, этноязыковые контакты, этимология, Белое море

Важнейшим свидетельством процессов исторического и этнокультурного значения, происходящих с древнейших времен на западной территории Российского Севера, – миграционных потоков разных групп населения, социально-экономических изменений, обусловленных как природными условиями, так и социальными катаклизмами, межгосударственными отношениями, жизненного уклада местного населения, свидетельством своеобразия природы региона – является язык. Все находит отражение в языке, и особенно ярко это проявляется в лексике и ономастике региона.

Рассматривая вопрос о формировании говоров Беломорья, А. С. Герд приходит к выводу о том, что лексические данные беломорских говоров в их географических связях свидетельствуют об интенсивности славянского (новгородского) движения на север, при этом отмечает «обособление тех или иных зон, происходившее в условиях встреч и симбиоза с прибалтийско-финскими диалектами, в условиях многовекового этнографического и языкового смешения» [2: 99]. Выявляя этнолингвистическую историю говоров Беломорья с опорой на их ареальные лексические связи с другими зонами русского языка, А. С. Герд приходит к выводу о том, что на эту территорию в одинаковой степени проникали и новгородцы, и ростово-суздальцы, что,

расселяясь по берегам Белого моря, в устьях больших рек, русские создали постепенно здесь тот особый, несколько обособленный этнолингвистический мир, который удивляет нас и сегодня [2: 101–102].

Ранее исследователь лексики беломорских актов XVI–XVII веков И. А. Елизаровский писал о хронологической многослойности беломорской лексики [6: 172], отражающейся и в живой речи жителей Беломорья в XX веке, в частно-

сти в сохранении заимствований из карельского, вепсского, коми, ненецкого языков [6: 234–235]. Среди причин заимствований в севернорусские говоры, прежде всего из финно-угорских языков, А. И. Федоров отмечает необходимость обозначить понятия новой для русских переселенцев географической среды [15].

Материалы словарей, описывающих лексику Беломорья, отражают самые разные стороны жизнедеятельности человека и окружающего мира, мировосприятия поморов, во многом обусловленное историческими событиями прошлого, древними миграционными процессами, длительным соседством с народами Севера, своеобразием северной природы, суровыми условиями существования. Характеризуя обособленность лексического состава говоров Беломорья, выделим некоторые группы слов и отдельные лексические единицы, которые являются значимыми в историческом, этнокультурном и ареальном аспектах.

Природа края в вербальном отражении представлена разными по происхождению словами. Например, среди названий мелей наряду с русскими словами *водопоймина*, *коса*, *набой*, *осередок* используется много финно-угорских заимствований: *нюра*, *кошка*, *чюра*, *корга*, *луда* и др. [14]. Внешне совпадающее с русским слово *кошка* ‘песчаная мель’ происходит из саамского *koške* ‘сухой’, имеет производное слово, возникшее по русской модели, – *закошечье* для обозначения границы обсыхающей части суши при отливе. Речь жителей Терского берега не лишена образности: «Милость Божья» – о сильном снеге, метели или дожде, «моряна запела», «кошка шумит» – о шуме приближающегося шторма [8], хотя последнее изначально не содержит образного компонента.

В речи поморов совмещается субстратная лексика разного происхождения, например, «Во время куйпоги по кечкаре ходили, и я чуть в няшу не провалилась» Сумский Посад: *куйпога* – ‘отлив’ из фин. *kuiva pohja* ‘сухое дно» (Фасмер. Т. 2: 403)¹, *кэчкара* ‘низкий топкий берег у моря, поросший травой и заливаемый водой во время прилива’ Белом., Онеж. (СРГК. Вып. 2: 342)²; ‘песчаный некаменистый морской берег’ Арх. – из карельск. *ketčerä* ‘небольшая возвышенность на болоте» (Фасмер. Т. 2: 227), *няша* – ‘вязкий илистый берег или дно озера, реки и т. д.’ Белом. – из саам. норв. *njéšše*, саам. тер. *niešše* ‘грязь, мусор’ (Фасмер. Т. 3: 95).

В некоторых семантических группах преобладает русская по происхождению лексика, например, ветер обозначается разными словами в зависимости от мотивировочной основы: *восток, голомянник, запад, заморозник, лётник, моряна, обедник, огибняк, отрывной, поберёжник, поветерь, полуночник, русский вётер, север, шелоник*. С названием попутного ветра *фёрдевинт* (из голландского *voor de wind* ‘под ветром’ (Фасмер. Т. 4: 202)), известного морякам Белого моря, связано выражение *дать фёрдовень* ‘побить, наказать’ (СРГК. Вып. 6: 686).

Для решения вопросов о путях формирования лексического состава говоров Беломорья, как и других говоров Севера, показательным является наличие или отсутствие в говоре начальных *ке-* и *це-* в словах одинаковой семантики, имеющих единый этимон (типа *кедить* и *цедить*, *кеп-* и *цеп-*). Отсутствие слов с начальным *це-* в языке (не только в говоре) – примета иноязычного происхождения слова, наличие – признак принадлежности к славянской лексике. В связи с этим важно выявить состав слов с начальным *ке-* в словарях, описывающих лексику Беломорья. По данным А. Подвысоцкого, к беломорским относятся слова: *кебрик* (и его производные), *кегоры*, *кеж*, *кейкало*, *кекос* и *кесос*, *кекур*, *келить* и *кялить*, *келк*, *келок*, *кентать*, *керёжа*, *керечана*, *керч*, *керча*, *кехтать*, *кечкара* – 1885 год³. С ними частично совпадает лексика словаря И. М. Дурова: *кебрюшка*, *кережа*, *керча*, *кехтать*, *кечкара*, в него включены образования от ранее зафиксированных слов: *кережник*, *кережничанье* и новые слова: *келейка*, *кепать*, *керейдать* – 1934 год [5: 166–167]. И. С. Меркурьев своими материалами показал устойчивость многих слов с конца XIX века: *кебрик*, *кегора*, *кеж*, *кейкало*, *керёжа*, *керёжка*, *керпач*, *керча* и добавлено *керкуй*, – 1979 год [11: 64–65]. Из СРГК, содержащего значительно большее количество слов с начальным *ке-* (среди них и *кеж*, с обширной в пределах Карелии географией, но не охватывающей Беломорье), приведем только те, что относятся к говорам Беломорья: известные по ранним словарям – *кебрик*, *кегора*, *кейкало*, *кентать*, *кережа* и *керёжа*, *керёжка*, *керпач*, *керча*, *керчак*, *кехтать*, *кечкара*, новые – *кебалло*, *кежня*, *кезровый*, *кейва*, *кемча*, *кеньги*, *кера* (вариант к *керчак*), *керчи*, *керогаз*, *керогазка*, *керосинник* – 1995 год (СРГК. Вып. 2: 338–342). С. А. Мызников, помимо ономастических единиц

с *ке-*, отметил лексемы: *кебрик* (и вариант *кебрык*), *кегора*, *кентать*, *керёжа*, *керкуй*, *керпач*, *керча* и *керчак*, *керчи*, *кехтать*, *кечкара*, добавил *кейтовать*, *келя*, *кеньги-упаки*, *керзовый* – 2010 год [13: 146–148]. И. И. Мосеев приводит всего 5 слов: *кебрик*, *кегора*, *кедовьё*, *кежа*, *керёжа* – 2005 год [12: 170]. Н. Д. Кушков дает *кебрик*, *кегора*, *кейвы*, *кейкало*, *кейтовать*, *кельчик-мельчик*, *кентовать*, *керёжа*, *керёжка* – 2011 год [8: 48–49]. В «Сказе о Беломорье» К. П. Гемп удалось обнаружить несколько слов с начальным *ке-*: *кекур*, *кечкара*, *кеньги*, *кеж*, – всего 4 слова – XX век [1: 289, 450].

Преднамеренная подача относительно полного списка лексем с начальным *ке-* в лексикографических источниках по беломорским говорам с указанием года их выхода дает возможность исследователю определить степень устойчивости лексических единиц, с одной стороны, и увидеть обновление диалектной лексической системы в описываемом сегменте, с другой, наблюдать динамические процессы в говоре на уровне лексики. При этом, разумеется, надо иметь в виду некоторую несоразмерность материалов лексикографических источников, обусловленную избранной территорией описания, например, Терский берег и Беломорье в целом, а также количеством собирателей лексики для словаря (ср. авторские словари и СРГК).

Представленные выше сведения показали, что среди устойчивых с середины XIX века по настоящее время лексем большинство иноязычного происхождения, только слово *кеж* и производное, опосредованно связанное с ним *кежня*, служащее для обозначения толстого неповоротливого человека (от *кежня* ‘квашня’) в беломорских говорах (СРГК. Вып. 2: 339), относятся к славянским, не испытавшим общее славянское изменение – вторую палатализацию. Связь данного слова с псковскими говорами очевидна, хотя и не является непосредственной. Древность данного явления не подлежит сомнению.

Северо-западному и северному слову *кеж* противостоит общерусское *цеж* ‘жидкий процеженный раствор овсяной муки, на кисель’; *цёжа* пск., твер. ‘забелка, или приправа ко шам, из заболтки овсяной муки’ (Даль. Т. 4: 576)⁴.

Ареальное противопоставление древненовгородского начального *ке-* (*къл-*, *кълд-*, *кълв-*, *кълп-*, *хълр-*) и южного/юго-восточного начального *це-* (*цъл-*, *цълд-*, *цълв-*, *цълп-*, *стър-*) в пределах восточнославянского диалектного континуума [7: 221] основано на отсутствии преобразования индоевропейского сочетания заднеязычного согласного с гласным *ъ* дифтонгического происхождения, объясняемом влиянием соседних прибалтийско-финских языков [4: 42].

Слово *кеж* ‘овсяный раствор для киселя’ относится к собственно псковским из **knyditi*, в говоры Ладого-Тихвинской группы северного наречия проникло из псковских диалектов [3: 189], как и в некоторые другие севернорусские говоры. О связях беломорской территории с древней новгородско-псковской землей, безусловно, слово *кеж* выступает как неопровержимый свидетель. Во

второй половине XX века кольские поморы слово *кеж* 'приготовленный на холодной воде мучной раствор' воспринимали как устаревшее [11: 64].

В поморских говорах семантика слова *кеж* несколько изменилась, хотя и сохранила основную сему: *кеж* 'сок из брусники, клюквы, черники, употребляемый для приготовления киселя, желе' [6: 193]. *Кеж* 'сок ягод' стало основой новой лексики – *кежный* 'приготовленный из ягодного сока':

Кежный чай – кипяток с ягодным соком, ране вместо китайского пили. *Кежный* кисель – кисель из сока ягод. *Кеж* малиновый – перво лекарство. Брусника для *кежа* больно хороша, не бусует она. *Кежный* кисель из ягод смородиновых да из клюквы хорош [1: 464].

Большинство беломорских слов на *ке-* относятся к субстратным, ср. данные М. Фасмера:

кэбрик 'поплавок, свернутый из бересты' из карел. *käbrü*, фин. *käprü* 'то же', *кэгора* 'пастбище для оленей' из фин., карел. *kiekerö* 'то же', *кэйкало* 'деревянная доска со знаком владельца, висящая на шее оленя' из саам. *kéuyal* 'то же', *кэреж*, *керёжа*, *кэрес* 'саам. сани' из саам. *kierres* 'то же', *кэхтат* 'иметь желание, охоту к чему-л.', 'смекасть, понимать, уметь' из карел. *kehtoa*, фин. *kehdata* 'считать достойным труда, заботиться' (Фасмер. Т. 4: 220–227).

Привлекает внимание своеобразный земельный термин *чищемёнь* 'площадь из-под срубленного и очищенного от корневищ леса, подготовленная под пашню или луговину' [1: 383], свидетельствующий о подсечно-огневом земледелии в Беломорье. Данное слово интересно в словообразовательном отношении, так как совмещает в своем составе русский корень и формант, имеющий прибалтийско-финскую этимологию [10: 203–206].

Кемским говорам известно слово *бáндить* 'быть мягким, хорошо поднявшимся (о пропеченном хлебе)' (СРГК. Вып. 1: 37), связанное корневой морфемой и семантикой с белорусскими словами *бáнды*, *бáндэ*, *бáнда* 'булочка из пшеничной муки, обычно круглая; печеный хлеб', с польским *bonda* 'буханочка хлеба, булочка', которые, в свою очередь, восходят к литовскому *banda* 'буханка, каравай хлеба' [9: 9–10]. Надо полагать, что с псковско-новгородским колониционным потоком литовское слово с сохранившейся семантикой дошло до говоров Беломорья.

Печига 'длинная продолговатая ладка для запекания рыбы': *В печиге рыбу с головой и хвостом запекают, без потери рыбьего вкуса поспевают* [1: 457], по имеющимся данным, не отмечено другими словарями.

Саженик 'женский головной убор: головная повязка, украшенная, кроме вышивки, еще и жемчугом и драгоценным камнем' известно было в Беломорье в начале XX века [1: 453]. Производным является слово *сажать* 'вышивать, отделывать чем-н.' Севмор. (СРГК. Вып. 5: 622), ср.:

У деревенских-то девиц головны повязки сажены жемчугом. Старинны они, от баушек. – Сюзьма, 1910 год; У кого жемчуга в семье есть, те не скупятся невесте саженик украсить. Сажают и жемчужок, и каменья. Сюзьма [1: 453].

Некоторые данные позволяют расширить сведения о географии бытования слова: *лопотистый* 'имеющий много одежды' Перм., Урал., Вят., Сиб. (СРНГ. Вып. 17: 140)⁵, ср. беломорское *лапотистая* 'обеспеченная одеждой': *Лапотистая она, да нехозяйственная, дом не в приборе. Лапотье, видать, родители наживали, за их спиной жила* [1: 451].

К. П. Гемп приводит лексемы *прихоть* – о ком-, чем-либо любимом, нравящемся, приглянувшись и *прихотыще* – об избранном:

Прихоть-то мое не торопится сватов слать, то и тоска мне, батюшка поглядывает строго, Парень мне давно глянулся, а он и посватался. Теперь он прихотыще мое, все знают. Зарученье будет, женихаться станем [1: 527].

В селе Сумский Посад Беломорского района И. М. Дуров зафиксировал фонетический вариант: *прихотье* 'незадачливый жених, не нравящийся родственникам ухажер или жених', 'сожитель у замужней женщины, женатый ухажер у девушки' [5: 341]. В слове *прихотье* (*прихотье*) предположительно выделяется приставка *при-* и суффикс *-(о)тj-*, корневая морфема вызывает затруднения как в формальном, так и в этимологическом плане. В поиске ответа помогает наличие в прибалтийско-финских диалектах слов *prikosa*, *priha* – вариантов заимствования русского слова *пригожий*⁶, употребляющегося преимущественно в народной поэзии. Наблюдается непосредственная связь слов *прихотье* и *priha*, однако очевидны сложные процессы адаптации русского слова в прибалтийско-финской языковой среде и возвращения его в родную стихию (обратного заимствования). При вхождении в неродственную языковую систему слово обычно меняет форму, подчиняясь структурным законам языка – реципиента. Нельзя исключать влияние дополнительных факторов, способствовавших изменению корня *-гож-* > *-хот-*. Появление слова *прихотье* ярко свидетельствует о сложных лингвистических процессах в зонах длительного этнокультурного взаимодействия, к которым относится Карельское Поморье.

При описании семантики, словообразования и этимологии отдельных слов обнаруживается своеобразие и некоторая обособленность лексической системы говоров Беломорья. Приведенные материалы в какой-то степени подчеркивают неповторимость Русского Севера, частью которого является Беломорье. Проникновение в историю, этимологию беломорского слова, явившегося результатом многовекового этнокультурного взаимодействия русского, прибалтийско-финских и других народов, населяющих Беломорье, является одной из неотложных задач лингвистической науки.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М.: Прогресс, 1973. В тексте в круглых скобках указан том и через двоеточие страницы.

- ² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. В круглых скобках указано СРГК и через двоеточие страницы.
- ³ Подвысоцкий А. О. Словарь архангельского областного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Издание Второго отделения Императорской академии наук, 1885. С. 65.
- ⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М., 1956.
- ⁵ Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. Вып. 1–2. М.; Л.: Наука, 1965–1966; Вып. 3–25. Л.: Наука, 1967–1990; Вып. 26–49. СПб.: Наука, 1991–2016. В круглых скобках указано СРНГ и через двоеточие страницы.
- ⁶ Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. S. 620.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Ф. А. Абрамова; Науч. ред. В. Н. Булатов; Подгот. С. Я. Косухина, Л. С. Скепнер. 2-е изд., доп. М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004. С. 275–568.
2. Герд А. С. К истории образования говоров Беломорья // Дialeктное и просторечное слово в синхронии и диахронии. Вологда, 1987. С. 94–103.
3. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // Севернорусские говоры. Вып. 8: Межвуз сб. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 173–235.
4. Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков, 1968. С. 20–43.
5. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2011. 455 с.
6. Елизаровский И. А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958. 240 с.
7. Зализняк А. А. Значение берестяных грамот для истории русского языка // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения / Отв. ред. В. Л. Янин. М.: Индрик, 2003. С. 218–223.
8. Кушков Н. Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга Мурманской области: Опи-мах, 2011. 168 с.
9. Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л.: Наука, 1982. 211 с.
10. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2001. 346 с.
11. Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов / Под науч. ред. Б. Л. Богородского. Мурманск: Мурманское книжн. изд-во, 1979. 184 с.
12. Мосеев И. И. Поморська говоря: Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. 372 с.
13. Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб.: Наука, 2010. 496 с.
14. Павлова А. В. Поморская гидрографическая лексика в синхронии и диахронии: Дис. ... канд. филол. наук. Мурманск, 2011. 260 с.
15. Федоров А. И. Освоение заимствованных слов в севернорусских говорах // Дialeктная лексика 1969. Л., 1971. С. 219–226.

Mikhailova L. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

BELOMORYE AS AN OBJECT OF HISTORICAL, ETHNOCULTURAL AND AREAL RESEARCH THROUGH THE PRISM OF LANGUAGE*

Analyzing lexicographical materials and studies of the White Sea dialects peculiarities, the author describes certain word groups and individual lexical units that are significant in terms of historical, ethnocultural and areal aspects. The focus is on the vocabulary reflecting the unique nature and life of the inhabitants of Belomorje (a geographical area in Russia, comprising the entire coast of the White Sea and the surrounding areas), determined by long-term linguistic and cultural contacts of the Russian population having arrived to the White Sea mainly from Pskov and Novgorod lands. To solve the problem of the White Sea dialects vocabulary formation a significant group is singled out, i. e. a group of Russian words with an initial combination *ke-*, which is often a sign of a word's foreign origin. An example of Russian *кеж*, equivalent to *цеш*, vividly demonstrates the historical ties between Pskov and Belomorje. Among many words that indicate the isolation of the White Sea dialects, the word *прихотье* (*prihotyie*) is interesting from the etymological point of view. The task of studying Belomorje vocabulary in different aspects is posed.

Key words: northern Russian dialects, dialectal vocabulary, ethnolinguistic contacts, etymology, the White Sea

* The research is sponsored by Russian Foundation for Basic Research as part of project No 18-012-00810.

REFERENCES

1. Gemp K. P. Tale of the White Sea coast. Dictionary of the Pomor language. D. S. Likhachyova, F. A. Abramova (Foreword); V. N. Bulatov (Sci. Ed.); S. Y. Kosukhina, L. S. Skepner (Prep.). Moscow, Arkhangelsk, 2004. P. 275–568. (In Russ.)
2. Gerd A. S. The history of the formation of the White Sea dialects. *Dialektnoye i prostorechnoye slovo v sinkhronii i diakhronii*. Vologda, 1987. P. 94–103. (In Russ.)
3. Gerd A. S. Materials for the etymological dictionary of the northern Russian dialects (I, K, L, M). *Severnorrusskie govory. Vyp. 8. Mezhevuz. sb.* St. Petersburg, 2004. P. 173–235. (In Russ.)
4. Gluskina S. M. The second palatalization of the guttural consonants in the Russian language (using the materials of the northwestern dialects). *Pskovskie govory. II*. Pskov, 1968. P. 20–43. (In Russ.)
5. Durov I. M. Dictionary of the living Pomor language in its everyday and ethnographic usage. Petrozavodsk, 2011. 455 p. (In Russ.)
6. Yelizarovskiy I. A. Vocabulary of the White Sea acts of the 16th and 17th centuries. Arkhangelsk, 1958. 240 p. (In Russ.)
7. Zaliznyak A. A. The significance of the birchbark letters for the Russian language history. *Berestyanye gramoty: 50 let otkrytiya i izucheniya*. Otв. red. V. L. Yanin. Moscow, 2003. P. 218–223. (In Russ.)
8. Kushkov N. D. The Pomor dialect.. Proverbs, sayings, embellishments and vocabulary. Varzuga (Murmansk Region): Opimah, 2011. 168 p. (In Russ.)
9. Lauchyte Yu. A. Dictionary of Baltic borrowings in the Slavic languages. Leningrad, 1982. 211 p. (In Russ.)
10. Matveyev A. K. Substrate toponymy of the Russian North. Part I. Yekaterinburg, 2001. 346 p. (In Russ.)
11. Merkur'yev I. S. Live speech of the Kola Pomors. Pod nauch. red. B. L. Bogorodsky (Sci. Ed.). Murmansk, 1979. 184 p. (In Russ.)
12. Moseev I. I. The Pomor spoken language. Arkhangelsk, 2005. 372 p. (In Russ.)
13. Myznikov S. A. Russian dialects of the White Sea. Materials for a dictionary. St. Petersburg, 2010. 496 p. (In Russ.)
14. Pavlova A. V. The Pomor hydrographic vocabulary in synchrony and diachrony: Diss. ... Cand. Sci. (Philology). Murmansk, 2011. 260 p. (In Russ.)
15. Fedorov A. I. Assimilation of borrowed words in the northern Russian dialects. *Dialektnaya leksika 1969*. Leningrad, 1971. P. 219–226. (In Russ.)

Поступила в редакцию 25.06.2018